

«А из чего дрожжи делают?»

Записки с дрожжевого завода

Я завернула за угол. Они шли навстречу от проходной, поэтому я их связала с заводом. Но, разглядев походку, поняла: не так. Я смотрела на мужчину: красивое, интеллигентное, мягкое лицо. Когда поравнялись, я взглянула на девушку, и мы поздоровались. Это была Таня Горичева. О чем они сейчас говорят – об экзистенциализме, Хайдеггере или о чем-то мне уже неизвестным. Я подумала, что уже не смогла бы поддерживать разговор с таким юношей.

Я иду слушать другие разговоры. Тут и анекдоты другие. Главное, меня саму стали смешить другие анекдоты.

Пришла старушка в магазин: «Двадцать грамм колбасы. Порежьте». – Продавец: «А хуя не хотите?» – «А есть? Семьсот грамм, кусочком».

«Маврикивна, тебя, слышала, изнасиловали. Что же ты не кричала?» – «А он меня шантажировал». – «Как?» – «Сказал: будешь кричать – выну».

И о чем бы Цыбина и Рыбина ни рассказывали, все оказывается в таком духе.

Вот пересказывает Цыбина разговор с соседкой. «Он пьяный пришел, а утром прыгает, прыгает...» – Что, – спрашиваю, – зарядку делает? – «Да нет, на меня залез и прыгает, прыгает... А вместо палки у него – тряпка. Я лежу, молчу. Потом он говорит: Пойду-ка я чаю попью. – Да, говорю, попей чаю!». А ведь какой он у нее бравый ебака был!»

Я стала презирать матерящихся интеллигентов. Что они знают? А тут я каждый день слышу что-то новое. Но только за месяц до увольнения сообразила, что нужно записывать. Но кое-что запомнила.

От Цыбиной:

«Последний хуй без соли доедает».

«На чужом хуе в рай ездит».

От Рыбиной:

«Бес в пизде играет».

«Волосы на пизде рвать».

И здесь у каждого своя индивидуальность.

Разговоры про любовь. Цыбина: «Что-то Любка ходит грустная. С любовью, видно, плохо». Рыбина: «Конечно, разве им до пизды сейчас? У них одна бутылка на уме».

Цыбина: «Люба, они ценят одну бутылку. За бутылку любой будет моим».

Про любовь и культуру. Цыбина рассказывала, что у нее однажды «был интеллигент». Пристал на улице. Предлагал пойти к нему в пустую двухкомнатную квартиру: «Дама, я ученик Бродского».

Историю про Бернарда Шоу передавала так: «Одна балерина захотела, чтобы Бернард Шоу поставил ей палку».

Я сказала про какого-то парня на заводе, что он похож на Высоцкого. «Нет, – возразила Цыбина, – на Высоцкого посмотришь, так видно, что у него кол в брюках. А на этого – что там макаронина закрученная». Про другого: «Какой он ни есть, у него есть чем!»

Они, конечно, обсуждали телефильмы. Рыбина: «А по книге, они еблись вовсю. Она ему там говорит: чем больше я тебя узнаю...».

У меня-то телевизора не было. «Иронию судьбы» я еще не видела. Поэтому когда Цыбина вдруг произнесла: «Мне нравится, что вы больны не мной», я чуть со стула не свалилась. Цветаева пошла в народ.

Еще про искусство. Прихожу ночью в цех, там пусто, только за столом спит мужик. На нем только штаны, все тело покрыто татуировкой. А, это тот, которого называют «Третьяковская галерея». Говорят, на палке у него написано: «Маша, держи хуй».

Меня спрашивают: «А из чего дрожжи делают?» Отвечаю: их не делают, их растят.

Да и те, кто растит, не понимают процесса. Рыбина, застав меня за микроскопом, скажет: «Ну, как они там – долбятся?» Это тоже по неграмотности. И по пансексуальности мировоззрения. Ничего такого у дрожжей нет – они почкуются.

Рост их массы в результате почкования называется брожением. Те, кто за брожением присматривают, называются бродильщицами. В мою смену: Нина Цыбина, Нина Рыбина и Барсукова, ее по имени никогда не звали.

И я тут, никому больше не нужная, пристроилась. В лаборатории.

Заведует лабораторией Голубкова, у нее высшее образование. Бабища, с лицом всегда вспухшим, с глазами заплывшими, вроде как в оба века укусило насекомое.

По телефону: «Приходите к нам работать. Вы думаете лаборатория неприличное место? Самое приличное на заводе. Тут их никто не трогает. Одна я приду, как собака на лаю. Они вам еще не говорили, что у них заведующая – сволочь? Что поделаешь, должность такая. Если Голубкова пасть не откроет – ничего не будет». «Как дела наши? Да так, сидим в говне, да еще чего-то чирикаем. Лаборатория без воды, без оборудования. Как чистую культуру выводить, то пару нет, то еще чего. Они думают, чистую культуру вывести – это два пальца обоссать... Звоню директору, говорю: воды нет. А он: а куда вы ее дели? Куда дели – в жопу засунули!»

Вот Голубкова обнаружила, что в форме, в которой лаборантки ставят тесто для определения подъемной силы дрожжей, кто-то пытался тесто испечь. «Идиотки! Идиотки! Мне этого говна не жалко, но вы же помрете, мне за вас отвечать! Мука формалином посыпана, тараканы по ней ползали, кошки в нее ссали. Идиотки!» – «Это не мы», – пыталась защититься моя напарница. – «А я не Шерлок Холмс и не ищейка, я не знаю кто, я каждую буду по мозгам бить!»

Вот опять кого-то бьет – кто-то к ней явился, причем не работяга, из-за двери слышно: «Что я вам нянька – жопу вытирать? У меня самой вся обоссанная, сил нет вытереть!».

«Завтра меня за пизду повесят», – сообщает Голубкова.

Фамилия не влияет на характер. У следующий моей начальницы была фамилия Овечкина, а была змеей.

Присмотр за ростом дрожжей, понятно, нужен круглые сутки. «В часы одинокие ночи люблю я усталый прилечь». Эта строчка тут утратила свою нелепость. Но прилечь можно только на пол. Еще вспоминается: «Что ты бродишь все ночь одиноко, что ты девушкам спать не даешь». Бродят – дрожжи. И бродильщицы. Забредают в лабораторию. Не дают спать девушке – мне. Вот чуть прикорнула, входит Цыбина и тоже цитирует: «Вставай, проклятьем заклеянный».

Из дневника. Середина июля. Душные, душные ночи. Что-то в атмосфере. Все жалуются, что днем не уснуть. Я ели живая и молчу. Но Цыбина, радость моя, говорит и веселит меня. Рассказывает, что сегодня, наконец, уснула, но ее внук стал таскать кота за хвост, тот поднял крик, и она проснулась. «Том Сойер ты ебанный», – сказала тетя Нина своему четырехлетнему внуку. Жалуется: у нее был день рождения, и муж принес ей в подарок бутылку вина – «За 1 р. 52 к.! – могу ли я, Люба, уважать его после этого?» А потом пришел с каким-то мужиком и эту бутылку потребовал. Она соврала, что выпила

ее с сыном, муж пришел в ярость, а после того, как она ему все выложила, заявил, что к нему на работу приходила женщина и рассказала, что тут, на заводе, тетя Нина пьет и блядует. «Ну пью я, Люба, ты видишь, – с гулькин хуй. А что блядовала, так что ж делать, если я его любила? Вот Барсукова тоже говорит: “Говорят, ты САМА к нему приходила, САМА его обнимала”. – “Конечно, говорю, Барсукова, САМА. Я САМА его любила и все-все делала САМА, неужели мне для этого было Рыбину посылать?” Любовь, Люба, это добровольное сумасшествие. А любить-то было нечего. Он меня обсерал на каждом шагу. Он воровать любил, ему нужно было контакты устанавливать, так он только по моим подсчетам тут четырнадцать баб перепробовал. Все по деловым соображениям. Он человека убил, к расстрелу был приговорен, заменили пятнадцатью годами, потом попал под амнистию. А я его так била! Узнаю про очередную бабу, приду, плачу, бью его, а он: “Ну что ты девочка, что тебе – моего хуя жалко? Что он – смылится? Да на, возьми, твой он, твой”».

Муж у нее нудный. «Снится мне собака и говорит Васькиным голосом: “Еб твою мать, а почему у меня поводок в грязи?”» Он ей напоминает хомячка и «уже восьмой год ебет своей больной печенью»: то есть требует диеты.

«Сниться мне, что я с дедом на печи, и палка у деда большая, крепкая – прелесть, а не палка. Я Ваське утром сон рассказываю, а он мне так зло: “А ты жопу об печку не ободрала?”. Вот дурак, ко сну приревновал».

Цыбина – белобрысая толстушка, с крошечным вздернутым носом, с белорозовым круглым лицом. Но полнота легкая, стройные ножки, тонкие щиколотки, маленькие красивые ступни и руки. И голос нежный, так что в ее устах мат теряет грубость.

Мне с ней хорошо. Можно молчать, можно ни с того ни с сего высказать занимающую тебя отвлеченную мысль. Однажды я произнесла: «Душа бессмертна?» – Она отвечала немедленно: «Еще Ломоносов сказал: “ничто из ничего не происходит и ничто в ничего не обращается”». Умная. Хотя однажды она всерьез утверждала, что кусок серого вещества выпал у нее из мозга и застрял в горле.

И Рыбина – умная, а Барсукова, – дура, чем раздражает товарок. Особенно более чувствительную Цыбину. «Барсукова, – говорит она, – у меня от тебя все нервные клетки возмущаются». Жалуется: «Рассказываю такой анекдот. Идет собрание. Сидят представители райкома. Выходит дворник и говорит: “Как еб твою мать – еб твою мать! – так еб твою мать – еб твою мать! А как еб твою мать – еб твою мать! – так хуй!”. Встает управдом и переводит: “Как снег идет, так Иван Иванович убирай, а как путевку в Дом отдыха, так не получишь”. Рассказываю я это, а Барсукова: “ Да, правда, разве дворнику путевку в Дом отдыха дадут, у нас на заводе и то не всегда получишь”. Барсукова, говорю, еб твою мать, где твое чувство юмора? Это же анекдот про то, что дворник без “еб твою мать” ничего сказать не может».

Сама Цыбина, очнувшись от приступала невралгии – такого сильного, что она потеряла сознание, – проговорила: «Я даже “еб твою мать” сказать не могла».

Она меня научила есть маслины. «Хочешь маслинку?» – «Нет». – «Пизда!» – меня шокируя: самое ужасное, непотребное слово и оно было обращено ко мне! И я перестала отказываться.

Новый директор. Когда-то он работал на этом заводе инженером. Встретились с Цыбиной в проходной, поздоровались, он ей намекнул насчет ее тогда бывшего романа. Цыбина отвечала: «Так когда было, теперь я уже старая». – «А вот я себя старым не считаю». – «Если б у меня стояло, я бы тоже не считала»,- отвела тетя Нина директору.

На первый взгляд завод, да еще ночью – жуткое место. Много огромных помещений, где темно и никого нет. Вначале казалось, что здесь может произойти что угодно. И эти работяги, в лица которых я старалась не смотреть.

Но ужас тюрьмы – я это здесь поняла – не в том, что в ней плохо, но что она лишает возможности другой жизни. В этой моей тюрьме оказалось – спокойно. Я в конце концов «адаптировалась» – ко всему, кроме трех смен.

Зуев, 24 года, три судимости, сюда устроила милиция. Говорит, как четырехлетний ребенок, когда сыплет угрозами. Но если ребенок только говорит: я тебя убью, этот убить может. Я страшно боялась, что отвечу на его слова агрессией и тем спровоцирую. Обнаружив как-то его на работе ночью, я до утра дрожала от страха.

Иду на работу в вечер. Зуев лежит в проходной, головой в вертушку, на нем сидит человек в штатском. В одиннадцать прихожу в цех и вижу Зуева, приставившего два длинных ножа к животу Цыбиной. Я ушла в лабораторию, заперлась и сижу в тряске. Раздался тихий стук, вошла тихая Цыбина. Говорит, что он к ней подошел, чтобы показать ножи и рассказать, как будет резать тех милиционеров, которые его били. «Но он может подумать, что ты и есть тот милиционер. Он же под наркотиками». Смена кончалась, пора было домой, но я боялась выходить из лаборатории.

Прошла неделя, я работаю в ночь. И когда в три часа, приоткрылась дверь, показалось и ухмыльнулось его рожа, я абсолютно не среагировала. Это был уже свой, так сказать, домашний уголовник.

Помяну добром это место. Именно за то, что с этими подругами можно было молчать по несколько дней. И они не обидятся, не осудят. Там принимали всех такими, какие есть, без возмущения тем, они такие, а не другие. И если кто-то начинал вдруг с утра орать, только и говорили: «она что, сегодня с хуя сорвалась?»

1977(?)